

- *Логические, эпистемологические и когнитивные аспекты системной модели аргументации*
- *Свобода в контексте читательской рефлексии студента*
- *Формирование креативности мышления студентов в процессе познания*
- *Диалог в процессе обучения*

УДК 1:16

Логические, эпистемологические и когнитивные аспекты системной модели аргументации

С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье дифференцированы базовые уровни системной модели аргументации и раскрыты их структурно-функциональные характеристики. Обосновано, что логические аспекты системной модели обусловлены построением аддитивных аргументационных конструктов, эпистемологические аспекты — ресурсами и паттернами языка агента аргументации, когнитивные — его рефлекторными и рефлексивными способностями. Объяснена специфика мотивационной и пропозиционально-установочной моделей аргументации, в которых доминирует, соответственно, рефлекторный и рефлексивный подход. Сравнение логических, эпистемологических и когнитивных характеристик агентов аргументации позволило установить противоположные тенденции в поведении агента аргументации, на которое оказывают влияние симультанное понимание или рационализация.

Ключевые слова: аргументационный конструкт, логические константы, эпистемологические константы, когнитивные переменные, агент аргументации, мотивационная модель аргументации, пропозиционально-установочная модель аргументации, симультанное понимание, рационализация.

Logical, Epistemological and Cognitive Aspects of the System Model of Argumentation

S. V. Vorobjova, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article differentiates baselines system model of argumentation and reveal their structural and functional characteristics. It is proved that the logical aspects of the system model due to the construction of additive argumentation constructs, epistemological aspects — the resources of the language agent reasoning, cognitive ones — reflex and reflective abilities. The specifics of the motivation and propositional-installation models of argumentation was explained. The tendencies in the behavior of the agent argument, which is influenced by a simultaneous understanding or rationalization, were determined.

Keywords: argumentation construct, logical constants, epistemological constants, cognitive variables, reasoning agent, motivational reasoning model, propositional-mounting model of argumentation, a simultaneous understanding, rationalization.

Системная модель аргументации, как и любая структурно-концептуальная модель, представляет собой совокупность реальных объектов, которые можно зафиксировать, и гипотетических факторов, или конструктов, которые нельзя наблюдать непосредственно, но об их существовании можно предположить на основании определенного поведения и определенных обстоятельств. Реальные объекты как явные переменные и факторы как

скрытые переменные составляют объяснительную модель аргументации как логического, эпистемологического и когнитивного феномена.

Аргументация как логический феномен определяется наличием формальных и неформальных структур, включающих явные переменные (высказывания и имена) и константы (функторы). Логика задает стандарты, в соответствии с которыми должны выстраиваться три фундаменталь-

* Доцент кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

ных концепта-действия — обоснование, убеждение и исследование. При доминировании обоснования процесс аргументации раскрывает умение убеждать и проводить исследовательский мониторинг самого процесса. Подобный функциональный синергизм аргументации дает важные скрытые переменные, обусловленные эпистемологией и когнитивными процессами аргументации. В контексте эпистемологии осуществляется контакт ресурсов языка и реальности, эффективность которого зависит от восприятия и обработки поступающей новой информации, т. е. от специфики когнитивных процессов. Аргументация двойственна, так как ориентирована на разные когнитивные процессы — образно-символическое целостное или дискретно-проектное восприятие. В первом случае имеет место симультанное понимание как единовременное схватывание информации, во втором — сукцессия и фиксация разрывов при собирании причинно-следственных связей в соответствии с какой-либо целью. Когнитивный подход к аргументации вновь активизирует вопрос способов мышления и его формальных и неформальных логических структур.

Ревизия классической методологии, в которой исследователь присутствовал только как *cogito*, или как гносеологический субъект аргументации, завершилась признанием множественности рациональностей. Неклассические логики раскрыли новые ресурсы аргументирующего субъекта (конструктивистская, модальная, эпистемическая, когнитивная и иные логики). Доказательство и опровержение — основные инструменты дедуктивной аргументации *cogito* — были расширены за счет логической формализации эвристических (не дедуктивных) схем обоснования как способов оперирования логическими категориями по определенным правилам. В результате были разработаны такие конструктивные схемы формального и содержательного аргументирования, как объяснение (абдукция), подтверждение, оправдание, приведение примеров, использование аналогий, иллюстрирование, демонстрация образцов (моделей) [1, с. 259—273]. Прикладные аспекты данных аргументационных конструктов обусловлены возможностью их выхода за пределы дедуктивной связи тезиса и аргумента в сферу вероятностной связи и стохастических процессов, например, в объяснении причин наблюдаемого поведения на основе чувственных впечатлений или в поиске следствий, подкрепляющих некоторое гипотетическое основание события, выдвинутое наблюдателем.

Любой аргументационный конструкт, выходящий за пределы дедуктивной идеализации, пред-

полагает выбор содержательно-интерпретационной стратегии. В частности, основанием аргументационного конструкта оправдания может стать стратегия «поведенческая дилемма» или «конфликт справедливости». «Поведенческая дилемма» — это обоснование выбора неправильного решения или действия (например, неморального поведения). «Конфликт справедливости» — обоснование выбора не наилучшего действия, но и не как отрицающего обязательные действия («разрешено все, что не запрещено»). Данные обоснования различаются логической структурой аргументации: первая стратегия конструируется на принципе противоречия, вторая — на принципе соподчинения, или координации.

Формальная валидность дедуктивного аргумента была дополнена валидностью содержательной, так как гносеологический субъект аргументации допускает тривиальности в каузальных гипотезах о необходимых условиях. Например, наличие кислорода является необходимым условием и для экономического роста, и для развития демократии, но это вряд ли кому-либо интересно вследствие его недостаточности. Каждый существенный признак является необходимым. Но только условие достаточности обеспечивает нетривиальность следствия. Поэтому классическая форма обусловливания — материальная импликация — была дополнена модальной импликацией, а затем релевантной [1, с. 284—287]. Модальная импликация не допускает разрывов с помощью функтора невозможности, релевантная — с помощью содержательной связи основания и следствия. В противном случае в аргументации наблюдается «разрыв континуальности» и переход к «мозаичности» обоснования. Именно для его преодоления Б. Расселом была разработана теория логических типов, идентифицирующая разрывы в рассуждении между различными уровнями абстракции и отсутствие логического сцепления мыслей («Если развивается демократия (недостаточное условие), следовательно... следовательно, кислород есть (необходимое условие)»).

В итоге экстенциональный подход к аргументации был дополнен подходом интенциональным (содержательным), в рамках которого реализуется прагматическая формализация «аргументации как функции психологических построений» [2, с. 51]. Она осуществляется по двум направлениям: 1) выявление логических и эпистемологических постоянных и переменных в паттернах естественно-языковой аргументации; 2) выявление кросскультурных сходств и различий в поведении агентов естественно-языковой аргументации [3, с. 5—6]. В частности, если Норвегия не знала ни рабства,

ни крепостного права, то это оказало влияние на формирование способов осмысления и схем обоснования (например, аргументации не свойственна гиперболизация свободолюбия, но максимизирована открытость Другому). Следовательно, именно кросскультурный поворот в исследовании аргументации сделал ее гносеологического субъекта эпистемологическим и когнитивным агентом культуры в целом и аргументации в частности.

Топология негносеологической аргументации и ее кросскультурные аспекты сделали означаемое «нестабильным», признав его психической реальностью. В концепции Э. Левинаса динамика означаемого — это топология речи и аргументации от «Другой культуры» (человека и его точки зрения, социальной группы и ее идеологии и пр.) [4]. Подобная топология складывается из переносов значений по сходству (метафор) и подстановок означаемых из других сцен и сценариев (метонимий). Именно данные субституции (замещения) делают означаемое подвижным и относительным, позволяя освещать необходимые и затемнять ненужные аспекты понятийной реальности [5, с. 387]. Сдвиг от существенных признаков в формировании значений к признакам «эталонным» определяет сдвиг от единого и правильного понимания к «более или менее адекватному, удачному или нужному пониманию» [6, с. 83]. Но подобный сдвиг обуславливает также разрывы в понимании: симультанная континуальность прерывается непонятными (непривычными или чуждыми) явлениями [4, р. 94].

Точные значения существуют только в случаях явных дефиниций и носят конвенциональный характер [1, 156—159]. Во всех остальных — значение существует в контексте (дискурсе) и является зависимой от него кросскультурной переменной. Сущность слов и речи, согласно Ф. Ницше, формируют «время, пространство, причинность», являющиеся «по преимуществу метафорами, которыми люди объясняют окружающие их явления». А «какая абстракция способна сосредоточить много вещей? <...> Метонимия!» [цит. по: 7, с. 96]. Поэтому имена и понятийные представления (образы) дополнительны друг другу. Прямые проекции одно на другое невозможны. Раскрыть или прокомментировать смысл иконического или символического образа можно только с помощью других значений, поскольку аргументация всегда включена в определенные обстоятельства жизни или культуры и имеет точки референции. Поэтому ее следует интерпретировать не только как логическую операцию, но и как эпистемологическую и когнитивную функции поиска приемлемого контекста.

Эпистемология аргументации определяется двумя базовыми направлениями в логике познания — индуктивным и дедуктивным. В индуктивном направлении решающая роль в познавательном процессе отводится повторению и нахождению общего принципа в ряду схожих случаев (при отсутствии противоречащего случая). В дедуктивном направлении решающую роль играют формулировка и отбор предположений (гипотез), а также устранение ошибок при их подтверждении. Индукция и дедукция обуславливают противоположные направления в аргументации — пассивное, осуществляемое путем накопления фактов, и активное, осуществляемое путем критической переработки воспринятой информации. Как следствие, схемы, составляющие эпистемологию аргументации, используются рефлекторно или рефлексивно [1; 11; 14]. На основании рефлекторных схем агент аргументации, допустим, *это знает, в это верит, с этим не сталкивался, этого не хочет*. На основании рефлексивных схем — допустим, *в этом убедился и может это доказать или в это не может поверить, потому что может подтвердить обратное*.

Ч. Пирс дифференцировал способы формирования убеждений, лежащих в основе эпистемологических схем. Способ упорства основан на безусловной вере в правильность некоторого высказывания, обусловленной страхом и вследствие этого не поддающейся критике. Способ авторитета — на мнении родителей, учителей, представителей власти и иных значимых лиц, которому, как и всем мнениям, свойственны предвзятость, недостоверность, неполнота или ошибочность. Эмпирический способ формирования убеждений основан на непосредственном наблюдении или опыте. Априорный способ — на корреляции с логикой и теорией аргументации. Убеждения в этом случае являются результатом совместного обсуждения личных и социальных вопросов и проблем, поиска ответов и решений с людьми, придерживающимися различных взглядов [8, с. 26]. Первые два способа формирования убеждений детерминируют «аффективную тенденцию» в аргументации, два вторых способа определяют «направление, даваемое волей и разумом» [9, с. 201]. Иллюстрацией указанных способов формирования убеждений выступают «Диалоги» Платона, в частности, «Горгий» (модель полемической аргументации) и «Федр» (модель дискуссионной аргументации). В них репрезентированы соответствующие способы поведения агентов аргументации. Конструкты упорства и авторитета демонстрируют ученики Горгия и Сократа. Примером эмпирических конструктов выступает аргументация Горгия,

примером априорных — аргументация Сократа [10; 11].

Архитектоника аргументации обусловлена ее интерпретациями как содержания и формата эпистемологического и когнитивного опыта ее агента. В содержательных интерпретациях существенными являются предпочтительные, спонтанно актуализируемые логические уровни и расположенные на них репрезентативные (типичные) примеры. Прототипы легко визуализируются, поэтому являются точкой референции, задающей контекст понимания. Таким образом, ход от типичного примера к нетипичному оказывается конструктивней, чем от нетипичного к типичному. Это означает, что в логическом опыте агента аргументации данная процедура обратима, в эпистемологическом и когнитивном — нет.

В форматных интерпретациях аргументация идентифицируется как одноуровневая (признаковая или сетевая) или многоуровневая (аналоговая и пропозициональная) модель, имеющая один или более алгоритмов функционирования (способов познания). Основу континуального, или аналогового, кодирования составляют пространственные характеристики стимулов (образные репрезентанты), основу дискретного кодирования — их темпоральные характеристики (пропозициональные репрезентанты).

Символический порядок пространства в аргументации организуется посредством иконического отношения подобия (знаки-копии). Это означает, что пространственное структурирование агент аргументации осуществляет на основе воспринимаемого или представляемого (воображаемого) сходства, основу которого составляют принципы изоморфизма или гомоморфизма как степени подобия конструируемого символического порядка замещаемому им предмету или явлению [1, с. 12]. Иконическое отношение обусловлено непосредственными впечатлениями [12, с. 102—118].

Символический порядок времени в аргументации организуется посредством индексного отношения — физической смежности или причинной зависимости [1, с. 13]. Это означает, что агент аргументации осуществляет темпоральное структурирование на основе одновременности (например, отношение между элементами таксономии) или последовательности (например, отношение «род — вид»). Знак-индекс и обозначаемый им предмет или явление «образуют органически согласованную пару, но интерпретирующий ум не имеет с этим соединением ничего общего». Он лишь отмечает это соединение «после того, как оно установлено» [13, с. 93]. Индексальная сущность языка позволяет, в частности, восстанавли-

вать целое по его частям (например, восстановление силлогистического аргумента или основания по следствию) или реконструировать отдельные детали целого (например, распознавание обосновываемого тезиса, резонов или связей между ними).

В когнитивной архитектуре сознания следует разграничивать способы функционирования аргументации как рефлекторные, обусловленные восприятием и пониманием языка, и как рефлексивные, обуславливающие рассуждение, процессы [14; 15]. Рефлекторные процессы составляют основания мотивационной модели аргументации. В данной модели обосновываются концептуальные основания процесса аргументации, связанные с личностным миром ее агента, его идентичностью. Невидимый личностный мир производит наблюдаемые эффекты, влияя на отбор и диспозицию аргументов. Идентичность агента раскрывает выбор рефлексивной стратегии «открытости переживанию мира», поддерживающей согласованность представлений о себе, или рефлекторной стратегии «защиты от мира», при которой целостность нарушается, так как «отсутствует когерентность между собой и собой в мире» [4, р. 55, 172].

Сфера Другого в аргументации (иной статус человека, иное мнение или иной подход) «провоцирует предчувствие несовпадений, шероховатостей и разрывов», вследствие чего я «выхожу из себя», или «теряю себя». «Иначе, чем быть» считается точкой разрыва, поскольку именно с нее начинается «конфликт интерпретаций» [16, р. 31]. Например, следствиями разрывов в иерархии «тезис — резоны» являются аргументы к человеку, апеллирующие не к содержанию или структуре его доводов, а к его феноменальному миру.

Разрывы непрерывности позволяют предположить существование гипотетических факторов, подтверждаемых определенным поведением или обстоятельствами. Скрытые переменные находятся «по ту сторону аргументации», «по ту сторону использования языка», «по ту сторону знания» [16; 17]. Прерывность обнаруживается в ситуациях «неспособности адаптировать себя к неотложностям мира» [18, с. 21], что вынуждает использовать иные формы «адаптивного» действия: освободить себя от символического порядка («невроз») или конструировать новый порядок («психоз»). В ситуациях невроза происходит игнорирование реальности Другого, нарастание гнева и негодования по отношению к нему, в ситуациях психоза — замещение реальности Другого. Игнорирование и замещение обусловлены двумя противоположными факторами: 1) дефицитом жизненного порядка. Обнаруживается, например, в аргументации «со слезой» или жалобой: *меня никто не слы-*

шит или меня никто не понимает; 2) переизбытком жизненного порядка, «изобилия жизни как выхода за границы опыта», за пределы привычного порядка [19]. Обнаруживается, например, в поведении агента аргументации с чувством высокомерия как взгляда свысока или с позиции сильного (позиция «над») [20, с. 380—382].

Рефлексивные процессы составляют основание пропозиционально-установочной модели аргументации. Она разработана в логике пропозициональных установок Д. Вандервекена, цель которой заключается в формализации содержания мышления в контексте эмоций-состояний и актов поведения. Аргументация неотделима от пропозициональных установок, которые по своей природе являются познавательными или волевыми. Аргумент согласуется с убеждением, если он истинный, с желанием — если он позволяет нечто реализовать. Д. Вандервекен исходит из того, что агенты аргументации минимально рациональны, т. е. они не являются совершенно рациональными или полностью иррациональными: «Мы можем быть противоречивыми, но мы никогда не иррациональны полностью» [20, с. 32; 21].

Пропозиционально-установочная модель идентифицирует ошибки в аргументации как корригируемые отклонения в рассуждениях. Например, приписывание свойств отдельных лиц всем членам этнической группы или навязывание нужного причинно-следственного отношения обусловлены ложным обобщением и ложной атрибуцией. Для преодоления данных предубеждений они должны быть обоснованы как ошибочные структуры. Минимальная рациональность предполагает поиск такого содержательного состава аргументов, которые при их, как минимум, формально-логическом сцеплении [1, с. 51—52] окажутся убедительными именно в данном случае.

Таким образом, системная модель аргументации представляет собой с позиции логического уровня аддитивную структуру, с позиции когнитивного уровня — эмерджентную. Логические аспекты обусловлены инвариантностью, закономерностью и достоверностью аргументации, которые следуют из дискретности рефлексивных процессов, отображаемых в дедуктивных и эвристических матрицах мышления агента аргументации. Эпистемологические аспекты обусловлены языковыми ресурсами и создаваемыми на их основе паттернами, которые осуществляют контроль и анализ рефлексивных процессов. Когнитивные аспекты обусловлены синкретизмом рефлексивных и рефлексивных процессов, означающим синхронное или асинхронное конструирование континуальных и дискретных репрезентантов.

Данные исследовательские интенции отображены в мотивационной и пропозиционально-установочной моделях аргументации. Мотивационная модель ориентирована на рефлексивные процессы и симультанное понимание, обусловленное построением аналоговых репрезентантов с доминированием пространственных характеристик стимулов. Пропозиционально-установочная модель — на рефлексивные процессы рационализации и сукцессию (пропозициональные репрезентанты). Поэтому при всей непохожести мыслей и чувств разных людей логические и эпистемологические константы аргументации позволяют фиксировать когнитивные переменные в аргументационном пространстве и раскрывать их свойства.

Список цитированных источников

1. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация / С. В. Воробьева. — Минск, 2010.
2. Шульга, Е. Н. Прагматическая эпистемология и аргументация / Е. Н. Шульга // Современная логика: проблемы теории и истории: материалы XI Междунар. науч. конф., СПб., 24—26 июня 2010 г. — СПб., 2010. — С. 49—51.
3. Воробьева, С. В. Логические и кросскультурные постоянные в аргументации / С. В. Воробьева // Современная логика: проблемы теории и истории: материалы XI Междунар. науч. конф., СПб., 24—26 июня 2010 г. — СПб., 2010. — С. 5—8.
4. Lévinas, E. Totalité et infini: Essai sur L'Extériorité / E. Lévinas. — Paris, 1991.
5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон / Теория метафоры. — М., 1990. — С. 387—415.
6. Алексеев, К. И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопр. психологии. — № 2. — 1996. — С. 73—85.
7. Тягло, А. В. Критическое мышление: проблема мирового образования XXI века / А. В. Тягло, Т. С. Воропай. — Харьков, 1999.
8. Гудвин, Дж. Исследование в психологии: методы и планирование / Дж. Гудвин. — СПб., 2004.
9. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. — М., 1994.
10. Платон. Горгий / Платон // Собр. соч.: в 4 т. — М., 1990—1994. — Т. 1. — 1990. — С. 477—574.
11. Платон. Федр / Платон // Собр. соч.: в 4 т. — М., 1990—1994. — Т. 2. — 1993. — С. 135—191.
12. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика / под ред. Ю. Н. Степанова. — М., 1983. — С. 102—118.
13. Пирс, Ч. С. Икона, индекс, символ / Ч. С. Пирс // Начала прагматики. — СПб., 2000. — С. 82—109.
14. Ришар, Ж.-Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решения / Ж.-Ф. Ришар. — М., 1998.
15. Фодор, Дж. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор / Дж. Фодор, З. Пылишин // Язык и интеллект. — М., 1996. — С. 230—313.

16. *Lévinas, E. Autrement qu'être ou au-delà de l'essence / E. Lévinas. — La Haye, 1974.*

17. *Lévinas, E. Autrement que savoir / E. Lévinas. — Paris, 1988.*

18. *Холл, М. Структура личности. Моделирование «Личности» с помощью НЛП и нейросемантики / М. Холл. — М., 2003.*

19. *Lévinas, E. En decouvrant l'existence avec Husserl et Heidegger / E. Lévinas. — Paris, 1964.*

20. *Тышнэр, Ю. Філасофія чалавека Кемпінскага / Ю. Тышнэр // Мысленне паводле каштоўнасцяў / Ю. Тышнэр; пер. с пол. Т. Урублеўскай. — Мінск, 2012. — С. 375—393.*

21. *Вандервекен, Д. Истина, пропозициональные установки и тождество пропозиций / Д. Вандервекен // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: материалы X Общерос. науч. конф., СПб., 26—28 июня 2008 г. — СПб, 2008. — С. 31—40.*

22. *Vanderveken, D. Attitudes attempts and actions Formulation of the logic of agency / D. Vanderveken. // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: материалы X Общерос. науч. конф., СПб., 26—28 июня 2008 г. — СПб, 2008. — С. 51.*

Дата поступления в редакцию: 28.03.2016 г.